
ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
И ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ

© 2018 г. А. Я. Капустин

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, Москва*

E-mail: Kapustin@izak.ru

Поступила в редакцию: 14.09.2017 г.

В статье в процессе раскрытия деятельности международных судебных институтов обозначаются тенденции их развития и влияния на национальные правовые системы. Отмечено, что в работах российских юристов сформулированы различные позиции по актуальным вопросам международного правосудия. Тем не менее остается немало дискуссионных проблем, требующих своего решения. Одной из серьезных тем является осмысление понятия и значения практики международных судебных органов.

Ключевые слова: международное право, международные судебные институты, национальные правовые системы, тенденции развития.

DOI: 10.31857/S013207690000217-0

Важным элементом системы международных отношений выступают международные суды, количественный рост которых и глубина воздействия на систему международного права, а также на национальные правовые системы государств выдвигают на первый план задачу исследования феномена международного правосудия и его места в системе международного права и взаимодействия с национальными системами правосудия. История международного правосудия ведет начало с XVIII в.¹

¹ Исторически первая модель международного правосудия — международный арбитраж по договору 1794 г. между Великобританией и США. Арбитражное решение 1872 г. по делу судна “Алабама” стало началом реализации международного межгосударственного арбитража в международных отношениях. По решению Гагской мирной конференции 1899 г. была создана Постоянная палата третейского суда (ППТС) в качестве постоянно действующего арбитражного суда. Первый постоянный международный судебный орган — Постоянная палата международного правосудия (ППМП) учреждена в рамках первой международной организации безопасности — Лиги Наций. После окончания Второй мировой войны эта модель международного правосудия получила развитие в Международном Суде ООН, ставшем основным судебным органом данной международной организации.

На протяжении второй половины XX в. происходило дальнейшее развитие моделей международного правосудия, стали создаваться региональные суды по правам человека и региональные интеграционные суды².

Стремительное распространение и реализация идеи международного правосудия получили неоднозначную оценку в международно-правовой науке. С одной стороны, западными учеными — сторонниками либеральной концепции международного права

Модель международного уголовного правосудия в это же самое время получила выражение в специально учрежденных судах ad hoc — Нюрнбергском и Токийском трибуналах для преследования военных преступников фашистской Германии и милитаристской Японии. В конце XX столетия был сформирован на постоянной основе Международный уголовный суд (МУС).

² В начале XX в. проф. Ф.Ф. Мартенс в пятом издании своего широко известного курса международного права, затрагивая вопрос о перспективах формирования постоянного международного суда, обладающего обязательной юрисдикцией над государствами, выражал большое сомнение в реализации данной идеи (см.: *Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. / под ред. и с биографическим очерком В.А. Томсинова. Т. 1. М., 2008. С. 192.*)

продвигается идея “правосудиализации” (*judicialisation*) международных отношений как отражение более широкой тенденции их “юридизации” (*juridification*). В современную эпоху международная “правосудиализация”, т.е. создание и использование международных судов для решения различных международных проблем, является не только воплощением либерального понимания международного правопорядка, но и в некотором смысле совершенно необходимым сопутствующим компонентом “юридизации”³ международных отношений.

С другой стороны, в науке международного права высказывается более осторожная оценка роли международного правосудия в международном праве и международных отношениях. Характерен в этом отношении подход Я. Онума — известного японского юриста-международника, предлагающего освободить исследование международного права от непомерного “судебного центризма” (*judicial centrism*), присущего западным международно-правовым исследованиям. Соглашаясь с реальным существованием трендов к “правосудиализации” некоторых сфер международных отношений в XX в., на которые в прошлом не распространялся международный судебный контроль (права человека, международное уголовное право, международное экономическое право), он высказывает сомнения в необходимости их абсолютизации. Признавая различные проявления феномена “легаллизации” в международном сообществе с конца XX столетия, он считает, что нет достаточных оснований приравнивать их к “правосудиализации” международных отношений.

В отечественной науке международного права встречается мнение о формировании системы международного правосудия, о чем свидетельствуют появление новых видов международных судебных органов в конце XX — начале XXI в. (региональных судов, международных уголовных судов), реформы и активизация деятельности действующих судов. Этот рост международных судебных органов получил наименование проли-

ферации международных судов. По мнению В.Л. Толстых, “следствием пролиферации является формирование системы международного правосудия, т.е. совокупности устойчивых соответствий между международными судами и их решениями”⁴.

По нашему мнению, термин «система международного правосудия» может применяться исключительно в научных целях — как категория, позволяющая обобщать результаты исследования доктрины и практики отдельных международных судов или их групп. В нормативно-правовом смысле такой системы не существует, что объясняется фундаментальными особенностями международных отношений и международного права. Они мало чем отличаются от характеристик, которые давались в конце XX столетия отечественными теоретиками международного права — Г.И. Тункиным, И.П. Блищенко, С.А. Малининым, Г.В. Игнатенко и др. Кроме того, у системы международного правосудия нет установленной международно-правовой основы, которая четко и недвусмысленно закрепила бы ее основные особенности и принципы построения и деятельности, иерархию или, наоборот, децентрализацию и т.д. Поэтому *de jure* — это образ будущего, к которому надо стремиться, *de facto* — это научная концепция, которую, бесспорно, нужно развивать.

Понятие и виды международных судов

Для того чтобы определить масштабы и потенциал международной судебной практики, методологически оправданно определить ключевые категории, которые ее характеризуют. В отечественной науке международного права в последние годы вышло значительное количество публикаций, посвященных отдельным аспектам международного правосудия или отдельным его институтам⁵. В рабо-

³ См.: *Kingsbury B. International courts: uneven judicialisation in global order // Crawford J., Koskenniemi M. International law. Cambridge, 2012. P. 203.*

⁴ См.: *Толстых В.Л. Международные суды и их практика. М., 2015. С. 70.* Основные проявления системности международного правосудия автор видит в тенденции международных судов ссылаться на собственные предыдущие решения и предыдущие решения других судов; организационном сотрудничестве этих судов; объединение и обособление специалистов, профессионально связанных с такими судами; формирование отдельной научной отрасли. Система международного правосудия не является иерархичной (см.: там же. С. 70–74).

⁵ См.: *Евразийская интеграция: роль суда. М., 2015; Институты международного правосудия: учеб. пособие / под ред. В.Л. Толстых. М., 2014; Каламкарян Р.А. Международный суд в миропорядке на основе господства права.*

тах российских юристов сформулированы различные позиции по актуальным вопросам международного правосудия. Тем не менее остается немало дискуссионных проблем, требующих своего решения. Одной из серьезных тем является осмысление понятия и значения практики международных судебных органов и возможности ее влияния на национальные правовые системы государств.

Для решения этой задачи представляется логичным вначале остановиться на анализе содержания понятия “международный суд”. При этом следует иметь в виду терминологические нюансы между используемыми терминами на различных языках, например официальных языках ООН. В отечественной международно-правовой литературе при анализе конкретных международных судебных учреждений обычно используется либо официальное наименование (если оно имеется) соответствующего суда⁶, либо его перевод на рус-

ский с английского или иного официального языка⁷. В доктрине не выработано какого-либо единого обобщающего (родового) названия международных судов. Предлагаются различные варианты: “международные судебные учреждения”⁸, “органы международного правосудия”⁹, “международные суды”¹⁰ и др.

Выработка обобщенного понятия международного суда имеет не только исключительно теоретическое значение, но и вполне определенный практический смысл¹¹. Например, признание какого-либо органа “международным судом” будет означать, что при решении вопроса о компетенции рассматривать тот или иной спор, принцип отказа от принятия к рассмотрению обращения в случае, если это дело уже рассматривается другим судом (условие приемлемости обращения), будет применяться исключительно в отношении

переводческих упражнений. В другом случае значение наименования на русск. и иных европейских языках совпадает, как это произошло с Международным уголовным судом (“The International Criminal Court”, “La Cour pénale internationale”, “La Corte penal internacional”) (см., напр.: *Костенко Н.И.* Международный уголовный суд. М., 2002).

⁷ См., напр.: *Энтин М.Л.* Суд Европейских сообществ. Правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987. На европейских языках название предшественника Суда Европейского Союза (ЕС) было следующим: “Court of Justice of the European Communities” (англ. вариант), “La Cour de Justice des Communautés Européennes” (франц. вариант), “Tribunal de Justicia de las Comunidades Europeas”, которое иногда переводилось на рус. яз. как “Суд справедливости Европейских сообществ” (см.: *Право Европейского Союза: правовое регулирование торгового оборота.* М., 1999). Кстати, термин “суд” (англ. “Court” и аналогичное на иных языках) применяется по отношению к органу финансового контроля ЕС — “European Court of Auditors”, переводимый как “Палата аудиторов”.

⁸ См., напр.: *Энтин М.Л.* Международные судебные учреждения: роль международных арбитражных и судебных органов в разрешении межгосударственных споров. М., 1984; *Марусин И.С.* Физические лица в международных судах: новые тенденции в развитии международных судебных учреждений. СПб., 2007; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009. С. 73; *Амирова М.А.* Международные судебные учреждения и внутреннее право Российской Федерации. М., 2011; и др.

⁹ *Смбатян А.С.* Указ. соч.

¹⁰ См.: *Толстых В.Л.* Указ. соч. С. 43–66.

¹¹ См.: *Focarelli C.* International law as social construct. The struggle for global justice. Oxford, 2012. P. 319.

М., 2012; *Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз.* М., 2009; *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз.* М., 2008; *Михайлов Н.Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности. М., 2006; *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского Суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М., 2015; *Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М., 2012; *Смбатян А.С.* Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012; *Толстых В.Л.* Международные суды и их практика. Указ. соч.; *Шинкарецкая Г.Г.* Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009. По некоторым отдельным международным судам и их практике литература настолько обильна, например по практике Европейского Суда по правам человека, что каждому из них можно давать отдельное библиографическое описание.

⁶ См., напр.: *Каламкарян Р.А.* Поведение государств в Международном Суде ООН. М., 1999; *Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В.* Международный Суд ООН. М., 1971. В приведенных случаях уточняется, что речь идет о международном судебном органе ООН — всемирной организации по поддержанию международного мира и безопасности. Однако в тексте Устава ООН (на рус. яз. — ст. 7, 92 и др.) он именуется просто как “Международный суд”. Что касается европейских языков, то на англ. в Уставе ООН он называется “International Court of Justice”, что дословно можно перевести “Международный суд справедливости”, то же самое касается наименования этого главного органа ООН на фр. и исп. яз. (“La Cour internationale de Justice” и “La Corte Internacional de Justicia”). Наличие наименования на рус. яз. как официальном языке ООН останавливает авторов от каких-либо

других международных судов¹² и не будет касаться взаимоотношений международных и национальных судов¹³. Вместе с тем в ряде случаев осуществление функции международного правосудия рассматривается как дополняющее национальные судебные системы. Прежде всего это относится к международной уголовной юстиции¹⁴. В этой связи международные уголовные суды предварительно изучают вопрос о возможном уголовном преследовании в других судах того же лица за те же деяния, что вменяются ему в международном суде¹⁵. Показательна в этом отношении позиция Международного Суда ООН, изложенная в его решении по делу “Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.” (Конго против Бельгии). Суд, касаясь вопроса о юрисдикционном иммунитете должностных лиц государства, недвусмысленно заявил, что иммунитеты, кото-

рыми могут пользоваться лица по международному праву, при некоторых обстоятельствах не могут быть препятствием для их уголовного преследования. К таковым он отнес ситуацию, когда они могут быть привлечены к уголовному преследованию в “некоторых международных уголовных судах, имеющих юрисдикцию”¹⁶. В данном деле Международный суд ООН не признал юрисдикцию национального суда Бельгии привлекать к ответственности министра иностранных дел другого государства за предполагаемое совершение международного преступления на территории другого государства на основе применения национального закона о борьбе с международными преступлениями.

В юридической литературе предпринято немало попыток дать определение международного суда, опираясь на ряд существенных признаков¹⁷. Вместе с тем до настоящего времени так и не выработано универсально признанного критерия для отнесения какого-либо органа к международному суду. Очевидно, что эта задача трудно выполнима до тех пор, пока не будет сформирована подлинно единая система международного правосудия. В сложившихся условиях исследователи обречены предлагать обобщенное определение международных судов, ориентируясь на конкретные судебные органы (Международный Суд ООН, международные суды по правам человека и т.д.). Чаще всего в таких случаях выделяют особенности, сближающие модель международного суда с национальными судами отдельных государств.

В их числе обычно указывают учреждение международного суда на основе международного права (международного договора) государствами или международными межправительственными организациями (ММПО) с целью разрешения споров между государствами, международными организациями между

¹² См., например, п/п. “а” п. 2 ст. 35 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г., в котором установлено, что Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) не принимает к рассмотрению никакую индивидуальную жалобу, если она является предметом другой процедуры международного разбирательства или урегулирования. Это правило можно определить как принцип непрерывности незавершенного международного процесса (litispendence.).

¹³ Применительно к некоторым международным судам в отношении национальных судов действует принцип исчерпания внутренних средств судебной защиты (см., например, п. 1 ст. 35 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 г.).

¹⁴ Например, в абз. 10 преамбулы и в ст.1 Статута Международного уголовного суда (МУС) установлено, что данный суд дополняет национальные системы уголовного правосудия (национальные органы уголовной юстиции) (см.: Международный уголовный суд: сб. документов. Казань, 2004. С. 7, 8).

¹⁵ В развитие концепции дополняемости (комплементарности) международной уголовной юстиции в ст. 17 Статута МУС предусмотрено, что Суд определяет, что дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда оно расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении него юрисдикцией, за исключением случаев, когда это государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом. Дело также не будет приниматься к производству в МУС, когда оно расследовано государством, которое обладает юрисдикцией в отношении него, и это государство решило не возбуждать в отношении лица, которого это касается, уголовного преследования, за исключением случаев, когда это решение стало результатом нежелания или неспособности государства возбудить уголовное преследование должным образом (см.: Международный уголовный суд: сб. документов. С. 25–27).

¹⁶ См.: ICJ, Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgement of 14 February 2002, para 61. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/121/8126.pdf>

¹⁷ Обзор некоторых отечественных и зарубежных дефиниций приводит в своей работе В.Л. Толстых (см.: Толстых В.Л. Указ. соч. С. 43, 44). Сам он считает, что “международный суд представляет собой орган, созданный и разрешающий споры на основе международного права” (см.: там же. С. 43).

собой с государствами, а также споры государств и ММПО с частными лицами. Процедура рассмотрения споров и вынесения обязательных для спорящих сторон решений должна определяться заранее в международно-правовом порядке. При вынесении решений международные суды применяют международное право. Такие суды, кроме того, должны быть постоянными, в их составе должны быть независимые судьи¹⁸. Разумеется, международные суды не входят в какую-либо национальную судебную систему.

Однако практика международного правосудия вносит новые элементы, которые размыывают грань между международными и национальными судами. Так, в последние годы отмечается создание так называемых гибридных уголовных трибуналов и интернационализованных судов, сочетающих международные и национальные элементы¹⁹.

В связи с этим в целях более точной идентификации международных судов как родового явления в литературе проводят сравнение основных характеристик международных и национальных судов и особенностей реализации ими судебной функции. Такой подход преследует задачу опровергнуть мнение, что «международные суды и трибуналы работают приблизительно так же, как и внутренние суды, потому что «судебная функция» является по существу тем, что не может меняться (по крайней мере значительно) в зависимости от правового контекста»²⁰. Такая позиция может привести к

ошибочным практическим решениям²¹. В то же время некоторые исследователи акцентируют

²¹ Например, отличие проводят: а) по принципу системности: национальные суды составляют единую судебную систему и осуществляют правосудие в форме рассмотрения и разрешения уголовных, гражданских, административных и некоторых иных категорий дел в установленном законом каждого государства порядке. В международных отношениях не сформирована единая судебная система; б) по характеру реализации судебной функции: в отличие от национальных судов, которые олицетворяют собой судебную власть государства, международные суды на протяжении достаточно длительного времени рассматривались в качестве одной из разновидностей мирного урегулирования споров между государствами; в) по характеру юрисдикции: суды отдельных государств осуществляют правосудие по всем отнесенным к их компетенции делам, т.е. имеют «полную юрисдикцию». В отличие от этого юрисдикция международных судов имеет строго ограниченный характер; г) по характеру права на судебную защиту: во внутреннем праве государства право на судебную защиту лиц не ставится в зависимость от согласия лиц, действия которых обжалуются, т.е. юрисдикция суда никак не связана волей спорящих сторон. В международном праве ситуация прямо противоположная: для принятия дела к рассмотрению международным судом согласие сторон спора всегда необходимо и обязательно; д) по принципам формирования судов: национальные суды пополняются обычно профессионалами, избираемыми на конкурсной основе, судьи международных судов избираются Генеральной Ассамблеей ООН и Советом Безопасности ООН из числа лиц, внесенных в список по предложению национальных групп Постоянной палаты Третейского суда (п. 1 ст. 4 Статута Международного Суда); е) по характеру принимаемых решений: решения национальных судов обязательны для граждан и других лиц, участвующих в судебном разбирательстве, вне зависимости от их согласия; Международный Суд принимает обязательные для сторон решения на основе принципа *res judicata* по факту выраженного согласия государств передать суду соответствующее дело (п. 1 ст. 36; ст. 59 Статута Международного Суда; п. 2 ст. 94 Устава ООН); ж) по правовой основе деятельности: национальные суды имеют четкую законодательную основу их деятельности, что позволяет провести различие между компетенцией различных судов; международные суды организуют свою деятельность на основе собственных правил, разработанных исключительно для каждого суда, установленных в их Статутах. Таким образом, каждый из таких судов имеет свой собственный правовой режим; з) по системам финансирования: деятельность судов государства финансируется за счет средств государственного бюджета на таком уровне, который позволяет им успешно функционировать и выполнять свои задачи; у международных судов нет единой системы финансирования: в том, что касается Международного Суда, то здесь «Объединенные Нации несут расходы суда в порядке, определенном Генеральной Ассамблеей» (ст. 33 Статута Международного Суда); и) по уровню включенности в правовое пространство: национальные суды действуют в формате внутригосударственного правового порядка, а международные суды осуществляют свою деятельность в параметрах международного

¹⁸ См., напр.: *Romano C. ICT Synoptic Chart. An international judiciary in context.* URL: <http://www.pict-rcti.org>. Однако следует иметь в виду, что автор разработал данное определение в рамках исследовательского проекта (проект по международным судам и трибуналам – The project on international court and tribunals, PICT), с тем чтобы помочь ученым и практикам ориентироваться в пестрой картине международных органов, рассматривающих споры между государствами и другими субъектами. Он проводит различие между международными судебными органами и международными квазисудебными органами, органами по контролю за имплементацией и другими органами по урегулированию споров.

¹⁹ См.: *Каюмова А.Р.* Гибридные трибуналы и интернационализованные суды в системе международной уголовной юстиции // *Росс. судья.* 2009. № 5. С. 36–40; *Толстых В.Л.* Гибридные суды как элемент международного правопорядка // *Вестник НГУ.* Т. 8. Вып. 1. Новосибирск, 2012. С. 114–129; и др.

²⁰ См. об этом подробнее: *Focarelli C.* Op. cit. P. 319.

внимание на особенностях международных судов вне сопоставительного контекста с национальными судами, что расширяет наше представление о причудливой гамме различных видов международных судов²².

В международно-правовой литературе предлагаются различные типологии международных судов²³, что не в последнюю очередь связано с их пролиферацией и, соответственно, потребностью упорядочения научных представлений. Отсутствие сформировавшейся единой системы международных судов делает эту задачу трудноосуществимой. В этой связи иногда нелегко понять классификационный критерий, используемый авторами в целях типологии международных судов²⁴. Так, Б. Кингсбери выделяет десять видов международных судебных учреждений, из которых собственно судебными являются пять из приведенных им примеров²⁵. В качестве критерия он

правопорядка: “Международный Суд является главным судебным органом Организации Объединенных Наций” (ст. 92 Устава ООН). *Op. cit.* P. 320, 321.

²² См.: Толстых В.Л. Международные суды и их практика. С. 48–66. В ряде случаев приведенные характеристики пересекаются с теми, что исследует К. Фокарелли в сравнительном плане с национальными судами.

²³ Некоторые авторы не дают каких-либо критериев классификации международных судов, а ограничиваются их перечислением, т.е., опираясь на признаки определения международных судов, относят к их числу те, которые соответствуют этой дефиниции. Так, Г.Г. Шинкарецкая идет этим путем и выделяет 21 международный суд, включив в эту группу и механизм по разрешению споров Всемирной Торговой Организации (ВТО) (см.: Шинкарецкая Г.Г. Указ. соч. С. 71–77).

²⁴ Так, М.А. Амирова различает международные судебные учреждения, соответствующие классическим критериям (имеются в виду, очевидно, признаки международных судов, разработанные К. Томушато). К ним она относит Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, МУС, а также Апелляционный суд ВТО (очевидно, имеется в виду Апелляционный орган). Далее в отдельную группу выделяются международные уголовные трибуналы, созданные после Второй мировой войны. Затем идут международные уголовные трибуналы *ad hoc*, административные трибуналы международных организаций, региональные суды, смешанные международные уголовные суды. Налицо использование нескольких критериев: от функционального до хронологического (см.: Амирова М.А. Указ. соч. С. 99–111).

²⁵ Двусторонние межправительственные комиссии по рассмотрению претензий, межгосударственные арбитражи *ad hoc*, межгосударственные арбитражи, интегрированные в ранее существовавшие правовые институциональные структуры (Постоянная палата третейского суда), постоянные международные суды (ППМП, Междуна-

выбрал “широко хронологический путь, отражающий первоначальное значительное появление каждого типа в международной практике. Эта типология основана на критерии формы и функций учреждений”²⁶. При этом данный автор допускает возможность существования многих других типологий, основанных, например, на определении уровня согласия заинтересованных государств, независимости судей и принимаемых ими судебных решений от кого бы то ни было и др.

Интересную типологию предложил В.Л. Толстых, разделив международные суды на универсальные и региональные; общей компетенции и специальной компетенции; рассматривающие споры между государствами и рассматривающие споры с участием частных лиц; постоянные и временные²⁷.

Для целей данного исследования, стремящегося выяснить влияние международной юриспруденции на российскую судебную практику, представляют интерес географический критерий (прежде всего универсальные и региональные суды), критерий характера компетенции (общей и специальной) и кри-

родный Суд ООН), международные уголовные суды (уголовный суд над германским кайзером, Нюрнбергский трибунал, Токийский трибунал, МТБЮ, МУТР, МУС), международные административные трибуналы – МОТ, ООН и др., региональные суды по правам человека (ЕСПЧ и др.), суды региональной экономической интеграции (Суд ЕС), система урегулирования споров ВТО (сюда относятся также механизмы урегулирования споров в МЕРКОСУР и НАФТА), инвестиционные арбитражные трибуналы (МБРР и около 2500 двусторонних инвестиционных договоров) (см.: Kingsbury B. *Op. cit.* P. 205–210).

²⁶ *Ibid.* P. 205.

²⁷ См.: Толстых В.Л. Указ. соч. С. 47. Однако предложенная им схема системы международного правосудия не лишена некоторых противоречий. Так, суды по спорам между государствами делятся на универсальные, региональные и третейские (?!). В последней группе представлены и универсальные суды (ППТС и механизм разрешения споров ВТО), и суды, создаваемые не по географическому принципу, а по характеру создания (суды *ad hoc*), для которых географический критерий вообще не имеет значения. Аналогична ситуация и во второй группе – суды, рассматривающие споры с участием частных лиц. В ней географический критерий – универсальность, региональность, партикулярность вообще отсутствует, хотя, например, одни из них – по правам человека – исключительно региональные, другие – уголовные суды и административные трибуналы – могут быть как универсальными (МУС), региональными (МТБЮ, МУТР), так и партикулярными (гибридные суды).

терий, который можно охарактеризовать как характер имплементации международных судебных решений в правовые системы государств. Следовательно, с этой точки зрения международные суды можно разделить на три большие группы²⁸.

По географическому критерию различаем: универсальные международные суды (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву (МТМП), МУС, механизм урегулирования споров в ВТО, административные трибуналы ООН, ЮНЕСКО, МОТ и др.) и региональные международные суды (ЕСПЧ, Экономический суд СНГ, Суд ЕАЭС, административные трибуналы региональных организаций).

По критерию компетенции: общей компетенции (Международный Суд ООН), специальной компетенции (МТМП, МУС, механизм урегулирования споров в ВТО, ЕСПЧ, Экономический суд СНГ, Суд ЕАЭС).

В отдельную группу следует выделить третейские суды, которые могут иметь как универсальный характер, региональный, так и двусторонний (т.е. создаваться на основе двусторонних соглашений между субъектами международного права).

По критерию характера имплементации судебных решений в национальных правовых системах: международные суды, решения которых главным образом имплементируются на международном уровне (Международный Суд ООН, МУС), международные суды, решения которых имплементируются в национальных правовых системах (МТМП, механизм урегулирования споров в ВТО, ЕСПЧ, Экономический суд СНГ, Суд ЕАЭС, третейские суды с участием частных лиц).

Некоторые авторы выделяют в особую группу международные квазисудебные органы²⁹. Особенность их юрисдикции состоит в том, что они имеют право принимать к рассмотрению заявления государств, юридических лиц, физических лиц и их объединений

о фактах нарушения каким-либо государством норм международного права. В то же самое время они преимущественно не выносят юридически обязательных решений. В своей деятельности они сочетают политические и юридические средства урегулирования споров, в том числе имеют право установления фактов, а в целях урегулирования используют процедуры, аналогичные судебным. Решения значительной части квазисудебных международных органов носят рекомендательный характер, хотя некоторые из квазисудебных органов (Компенсационная комиссия ООН) полномочны принимать обязательные к исполнению решения³⁰.

Понятие международной судебной практики

Международная судебная практика формируется в ходе правоприменительного процесса, т.е. при рассмотрении споров между государствами, международными организациями, а также иными лицами и при расследовании и осуществлении преследования лиц, виновных в совершении международных преступлений. Международные суды, применяя в процессе разбирательства нормы международного права, давая им оценку, толкование и применяя к каждому конкретному случаю, не просто механически используют соответствующие правила международного поведения. Международные суды стремятся добиться си-

²⁸ Разумеется, в данной классификации принимаются в расчет международные суды, в деятельности которых участвует Российская Федерация и юриспруденция которых будет иметь значение для отечественной правовой системы.

²⁹ См., напр.: *Амирова М.А.* Указ соч. С. 113, 114; *Шинкаревич Г.Г.* Указ. соч. С. 77, 78; и др.

³⁰ Различают следующие виды международных квазисудебных органов: международные органы по правам человека (Совет по правам человека ООН, Межамериканская комиссия по правам человека, Африканская комиссия по правам человека и народов). Их особенность состоит в том, что они являются вспомогательными органами международных организаций (ООН или региональных организаций); договорные (конвенционные) органы по правам человека, созданные на основе универсальных правозащитных конвенций для контроля за исполнением государствами-членами обязательств по соответствующим конвенциям; международные органы по претензиям и компенсациям (Компенсационная комиссия ООН, Реестр ущерба ООН); процедуры для определения факта несоблюдения международных экологических соглашений, применяемые органами по контролю и надзору указанных договоров (Комитет по надзору за исполнением Монреальского протокола по веществам, разрушающим озоновый слой, и др.); инспекционные группы международных банков (Инспекционная группа Всемирного банка, созданная в 1994 г., и др.); международные органы по рассмотрению международных экономических споров (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров и др.).

стематического применения норм международного права, определенным образом влияют на само качество этих норм, усиливая нормативность международного права и обеспечивая в будущем неукоснительное соблюдение его норм субъектами международного права.

Хотя в большинстве уставов и статутах международных судов закрепляется формула, введенная ст. 59 Статута Международного Суда ООН, — “решение суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу”, в науке обсуждаются проблемы влияния международной судебной практики на развитие как отдельных норм и институтов международного права, так и на международное право в целом. Можно выделить несколько подходов к теоретическому обоснованию такого влияния. Так, первая позиция исходит из классического понимания согласительной природы международного права. Поскольку государства как суверенно равные субъекты международного права дали свое согласие только на признание обязательности решения, вынесенного в их отношении, они не могут принимать обязательность решений по делам, в которых они не участвовали. В этом смысле доктрина прецедента теряет смысл и перспективу на утверждение в международной судебной практике.

Однако, и на это обратили внимание исследователи, ничто в уставах или статутах международных судов не ограничивает права последних придерживаться непротиворечивой судебной практики, т.е., иными словами, следовать в своих решениях правовой позиции, сформулированной ими в ранее принятых решениях. Как отмечает в этой связи Г.Г. Шинкарецкая, вначале ППМП, а за ней и Международный Суд ООН стали цитировать свои более ранние решения, от которых они не собирались отклоняться без достаточных оснований. Другие международные суды “также приняли этот образ действий — не утверждая юридического значения прецедента, но и не отказываясь от своих прежних решений”³¹. В Римском статуте МУС эта позиция получила логичное развитие. В п. 2 ст. 21 Статута сказано, что “Суд может применять

принципы и нормы права³² в соответствии с тем, как они были истолкованы в его предыдущих решениях”³³.

Наряду с этим в науке высказывается мнение о том, что “практика разрешения международных споров показывает, что ссылки на предыдущие решения в целях обеспечения последовательности и предсказуемости являются одной из характерных особенностей ОМП”³⁴. И далее: “Прецеденты связывают международные суды словно невидимые нити. ОМП в своей деятельности учитывают принятые друг другом решения, ссылаются на них, нередко обосновывают ими свои доводы”³⁵. В развитие этого взгляда А.С. Смбалян обосновывает “прецедентное значение” решений и консультативных заключений ППМП и Международного Суда ООН, а также решений международных судов, осуществляющих деятельность в отдельных областях международного права (решения механизма урегулирования споров ВТО, ЕСПЧ, МТМП, ППТС, Суда ЕС и др.).

Хотя в данном контексте речь идет о признании “прецедентного значения” решений одних международных судов в судебной практике других международных судов, придание такого смысла международным судебным актам ставит вопрос об их влиянии на правовые системы и судебную практику государств, являющихся участниками международных судов. Иными словами, если в доктрине “прецедентного значения” решения международного суда идет речь о “горизонтальном” (межсудебном) влиянии решений одних международных судов на решения других аналогичных учреждений, с теоретической точки зрения напрашивается вопрос о возможности “вертикального” влияния решений международных судов на национальные правовые системы и национальную судебную практику

³¹ См.: Шинкарецкая Г.Г. Указ. соч. С. 219.

³² Под принципами и нормами права, как это установлено в п. 1 ст. 21 Статута МУС, понимаются принципы и нормы международного права, включая общепризнанные принципы международного права вооруженных конфликтов, общие принципы права, взятые им из национальных законов правовых систем мира.

³³ См.: Международный уголовный суд: сб. документов. С. 32, 33.

³⁴ ОПМ — органы международного правосудия.

³⁵ См.: Смбалян А.С. Указ. соч. С. 135, 136.

государств. Причем этот вопрос стоит в двух различных плоскостях.

Во-первых, можно ли рассматривать (и в какой степени можно) “прецедентное значение” для национальной правовой системы и национальной судебной практики решений международных судов по спорам, в которых государство не было стороной, но в силу его участия в статуте (уставе) международного суда не исключается, что в будущем оно может стать стороной спора по аналогичному вопросу? Следует ли в таком случае государствам если не признавать, то хотя бы учитывать подобные международные судебные решения? Ответ кажется очевидным. Во избежание ненужных осложнений в гипотетически возможных в будущем международных судебных процессах государство призвано принимать такие решения во внимание при разработке своей правовой позиции в предстоящем деле.

Во-вторых, какое значение для национальной правовой системы и национальной судебной практики будут иметь решения международных судов, участником которых является государство, но принятые на основе решений, имеющих “прецедентное значение”, вынесенных другими международными судами, участником которых государство не является? Этот вопрос весьма актуален, если допустить, что “прецеденты всех ОМП образуют общую систему прецедентов в международном праве”, которая представляется “горизонтальной, одноуровневой”, потому что “все ОМП юридически обладают одинаковым статусом”³⁶.

В данном случае не все так очевидно, как этого хотелось бы. В силу того что государство не может обязываться вопреки его воле, оно будет возражать самым активнейшим образом против подобного юридического “заимствования”, если такое решение другого суда вступит в явное противоречие с его существенными интересами в деле, стороной в котором оно будет выступать. Никакая аргументация “об общей системе прецедентов в международном праве” в данном случае в расчет приниматься не будет. И можно с достаточно высокой долей вероятности предположить, что судьбы соответствующего международного

суда проявят мудрость и поищут иные аргументы для обоснования своего решения. Разумеется, нельзя исключать того, что государство не будет возражать в приведенном примере, если сочтет, что это соответствует его существенным интересам в этом деле. Здесь встанет другой вопрос: можно ли будет рассматривать это поведение государства как молчаливое признание “прецедентного значения” решения другого международного суда или же это будет воспринято им как прием юридической техники, используемый международными судами, не влияющий на его международно-правовые обязательства?

Признавая теоретическую возможность такого развития событий, следует оценить степень ее реалистичности в условиях децентрализованной межгосударственной системы и отсутствия единой системы международного правосудия. Для перехода к такой всеобъемлющей судебной системе необходимы внесение упорядоченности в практику принятия “прецедентно значимых” решений международных судов и четкое установление ее пределов. Неограниченная свобода “прецедентотворчества” способна породить такой размах межсудебной конкуренции, который будет нести риск парализации деятельности всей, даже децентрализованной и мало упорядоченной, системы международного правосудия. К глубокому сожалению, международная судебная практика уже показывает конкретные примеры того, как отдельные региональные суды пытаются давать толкование не специальным вопросам, ради которых они были учреждены, а по широкому кругу предметов международного права, прямо к их компетенции не отнесенных.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение доктрины “правотворчества” международных судебных органов, которая была предложена и в отечественной литературе по международному праву³⁷, отметим лишь несколько важных моментов, которые следует иметь в виду. Современное международное право исходит из того, что оно создается государствами и другими субъектами, прежде всего ММПО, путем либо заключения международных договоров, либо создания норм обычного международного права. Международные суды не имеют пол-

³⁶ См.: *Смбатян А.С.* Указ. соч. С. 169, 170.

³⁷ См.: там же. С. 196–254.

номочий заключать с участниками международного судопроизводства международных соглашений о выполнении принятых ими решений и содержащихся в них толкований каких-либо конкретных международно-правовых норм (за исключением международных уголовных судов, заключающих соглашения с государствами об исполнении наказания осужденным международным преступникам в пенитенциарных заведениях этого государства). Само гипотетическое предположение подобного сценария выглядит сегодня абсолютным абсурдом, потому что за редким исключением суды не обладают международной правосубъектностью.

Толкование содержания конкретной нормы международного права и создание такой нормы – это два различных процесса, приводящих к различным правовым последствиям. Разумеется, принимая статут (устав) международного суда, государства-участники тем самым наделяют этот суд полномочиями толковать применимые нормы международного права в делах, в которых они будут участвовать. Равным образом они признают обязательность для себя результатов толкования международным судом тех или иных норм международного права. Однако они сохраняют за собой подразумеваемое право отказаться от соблюдения таких результатов толкования, которые будут представлять собой злоупотребления полномочиями, *ultra vires* и другие случаи неправомерного ограничения их законных прав.

Судебное толкование международно-правовых норм имеет огромное преимущество перед любым иным толкованием – это процесс профессиональной кристаллизации понимания содержания нормы международного права, выраженный в ее применении к конкретной ситуации, это изложение нормы на высочайшем профессиональном уровне. Но в то же самое время судебное толкование имеет и существенный недостаток: оно в высшей степени субъективно, так как производится людьми, имеющими различные взгляды, подходы и профессиональные стереотипы. Недаром, например, в своих особых или несовпадающих мнениях судьи Международного Суда ООН предлагают иные решения проблемы и толкования фактов или права, в результате чего некоторые решения и заключения между-

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО № 7 2018

народных судов подвергаются критике со стороны ученых и практикующих специалистов.

Отсюда напрашивается вывод: международно-правовая наука должна продолжить свои изыскания в этой сфере и предлагать альтернативные точки зрения по вопросу влияния международной судебной практики на развитие международного права и ее место в системе этого права.

Взаимодействие международной и национальной судебных практик

В завершение необходимо остановиться на рассмотрении влияния международной судебной практики на национальные правовые системы и национальную судебную практику.

Международное право сформировало несколько моделей обеспечения исполнения международных судебных решений. Первая из них отождествляется с Организацией Объединенных Наций, в п. 2 ст. 94 Устава которой предусмотрено, что в случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Международного Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, дать рекомендации или принять меры для приведения решения в исполнение. Это положение предоставляет Совету Безопасности возможность усмотрения в определении порядка исполнения решений Международного Суда. Он имеет право выбора: либо сделать это путем принятия необязательной по своей природе рекомендации, либо принять обязательное решение. Однако содержание данной нормы ст. 94 Устава ООН не предполагает наделения Совета Безопасности полномочием проводить разбирательство *proprio motu*³⁸. Позднее (в 2008 г.) в решении по делу “Медельин” Верховный суд США решил, что ст. 94 Устава ООН не имеет прямого применения в правовой системе США³⁹.

³⁸ Эта норма п.2 ст. 94 не применялась на практике, за исключением запроса Никарагуа в Совет Безопасности ООН в 1986 г. с целью обеспечить выполнение решения Международного суда ООН в деле “Никарагуа против США”. Однако реализовать эту модель тогда не удалось ввиду наложения вето самими США на проект решения Совета Безопасности ООН.

³⁹ См.: *Medellín v. Texas*, 552 U.S. 491 (2008).

С другой стороны, есть иной пример отношения государств к этой модели. Так, в решении от 14 марта 2012 г. (дело № 16410/2004) “Паоло Толдо против Федеративной Республики Германии” в связи с отказом о предоставлении иммунитета государству по причине совершения грубых нарушений прав человека суд Флоренции решил, что ст. 94 Устава ООН устанавливает для государств – членов ООН обязательства по соблюдению решений Международного суда ООН, и при этом она адресуется не какому-либо отдельному государственному органу (исполнительной власти, парламенту), а скорее в целом институтам и органам, которые составляют государство и в которые также включены суды. Суд добавил, что ст. 11 итальянской Конституции, согласно которой Италия “соглашается на условиях взаимности с другими государствами на ограничения суверенитета, необходимые для порядка, обеспечивающего народам мир и справедливость... поощряет международные организации, стремящиеся к этим целям”⁴⁰, такие как ООН, возводит в ранг конституционной договорную норму, которая может ограничить национальный суверенитет Италии, включая без сомнения и ст. 94 Устава ООН. В результате суд установил, что решение Международного Суда ООН имеет приоритет над противоречащими ему нормами национального права, обязывающими национальные суды соблюдать в силу *res judicata* предварительную юриспруденцию Кассационного суда, берущую начало от известного решения 2004 г. по делу Феррини⁴¹. Разумеется, подобная позиция стала возможной благодаря принципу, сформулированному в ст. 11 Конституции Италии.

Однако эта позиция не стала в Италии окончательной. 23 декабря 2008 г. ФРГ обратилась в Международный Суд ООН с жалобой против Италии (Греция вошла в процесс в качестве третьей стороны) в связи со спо-

ром о нарушении Италией обязательств по международному праву, которые Италия, возможно, совершила в результате судебной практики национальных судов, отказавшихся уважать юрисдикционный иммунитет, которым Германия пользуется на основе международного права.

В своем решении от 3 февраля 2012 г. Международный Суд ООН подтвердил, что обычное международное право поддерживает требование о том, чтобы государству предоставлялся иммунитет в судебных рассмотрениях, возможно, совершенных правонарушителями вооруженными силами в ходе вооруженного конфликта. На основании этого Международный Суд ООН заключил, что решение итальянских судов об отказе в признании государственного иммунитета Германии не может быть оправдано на основе принципа территории совершения правонарушения⁴². Более того, Международный Суд ООН посчитал, что обычное международное право не дает права лишать государство иммунитета по причине того, что оно обвиняется в совершении серьезных нарушений прав человека или права вооруженных конфликтов, в том числе даже если предположить, что итальянские суды установили нарушение государством императивных норм международного права⁴³.

Однако реакция Конституционного суда Италии на указанное решение Международного Суда ООН внесла коррективы в официальную позицию Италии о соблюдении международных судебных решений на основе соблюдения ст. 94 Устава ООН, которые, по сути, привели к прямо противоположным выводам. В своем решении № 238 от 22 октября 2014 г. Конституционный суд Италии признал неконституционными не только положения внутреннего закона, принятого во исполнение решения Международного суда ООН, но и обязательство для Италии исполнить это решение, вытекающее из ст. 94 Устава ООН⁴⁴.

⁴⁰ Конституция Итальянской Республики // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 1999. С. 424.

⁴¹ Итальянские суды, основываясь на данном решении Верховного суда Италии по делу “*Ferrini*”, начали удовлетворять гражданские иски граждан Италии к Германии о возмещении ущерба, причиненного казнями близких без суда и следствия, принудительным трудом в Германии, а также нахождением в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны.

⁴² См.: ICJ, Jurisdictional immunities of the State (Germany v. Italy: Greece intervening). Judgment of 3 December 2012. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/143/16883.pdf>. P. 78, 79.

⁴³ См.: ICJ, Jurisdictional immunities of the State, Ibidem. P. 96, 97.

⁴⁴ См. решение Конституционного суда Италии № 238/2014 на сайте: http://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S238_2013_en.pdf

Конституционный суд Италии в своем ответе на запрос суда Флоренции, который рассматривал иски жертв германских репрессий в годы Второй мировой войны, сформулировал следующую позицию⁴⁵.

Статья 10 Конституции устанавливает, что “правовая система Италии должна соответствовать общепризнанным нормам международного права”, что подразумевает приоритет норм международного права (как договорных, так и обычных) над внутренними правовыми актами. Сами же нормы международного права (включая международные обычаи) являются частью правовой системы. Суд не стал давать оценки решению Международного Суда ООН, а посчитал, что он и только он является единственной инстанцией, которая уполномочена рассматривать конституционность норм международного права при их имплементации в правопорядке Италии.

Основные принципы конституционного строя, включая неотъемлемые права человека, представляют собой фильтр на пути реализации нормы международного права в национальном правопорядке. Нормы международного права не применяются, если они противоречат основным положениям Конституции. Оценивая сложившуюся ситуацию после решения Международного Суда ООН и исходя из того, что право на судебную защиту находится среди “великих принципов правовой цивилизации в каждой демократической системе нашего времени”, Конституционный суд занялся поиском баланса в данной ситуации между этим правом и нормой о судебном иммунитете государства. По его мнению, ограничение права на судебную защиту ввиду судебного иммунитета государств является оправданным при нормальном ходе вещей, когда такой иммунитет обеспечивает целостность международных отношений. Конституционный суд Италии заявил, что функция судебного иммунитета государств отнюдь не заключается в том, чтобы защищать неправомерные действия государства, вылившиеся в

совершение международных преступлений. В этом случае настаивать на судебном иммунитете государства было бы абсолютно непропорциональным ограничением права на судебную защиту.

В итоге он пришел к выводу о неконституционности как положений закона, направленных на исполнение решения Международного Суда ООН, так и соответствующего обязательства Италии исполнить это решение, основанное на ст. 94 Устава ООН.

Это решение Конституционного суда Италии получило широкий отклик среди юристов⁴⁶. Не вдаваясь в анализ дискуссии, можно сделать вывод, что Конституционный суд Италии сделал исключение из применимости ст. 94 Устава ООН в отношении международных судебных решений, затрагивающих основные права человека, но не отменил возможность ее применения в отношении других международных судебных решений. Безусловно, это решение ставит немало сложных теоретических вопросов о взаимодействии международной и национальной судебных практик, а в более широком контексте — и об усложнении механизмов взаимодействия международного и внутригосударственного права, но это — предмет особого исследования.

Встречается еще одна нормативная модель исполнения международных судебных решений в национальном праве государств. Так, в некоторых случаях нормы международного права предусматривают, что международные судебные решения рассматриваются государ-

⁴⁵ Суд Флоренции обратился с запросом в Конституционный суд Италии с просьбой проверить соответствие ст. 3 Закона о ратификации Конвенции 2004 г. об юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятого в январе 2013 г. базовым положениям Конституции страны, а именно: ст. 24, где провозглашается право каждого на судебную защиту своих прав.

⁴⁶ См.: *Исполинов А.С.* КС Италии и три американских студента против Международного Суда ООН. URL: http://zakon.ru/blog/2014/12/18/ks.italii_1_tri_amerikanskix_studentsa_protiv_mezhdunarodnogo_suda_oon; *Peters A.* Let Not Triepel Triumph — How To Make the Best Out of Sentenza No. 238 of the Italian Constitutional Court for a Global Legal Order. URL: <http://www.ejiltalk.org/let-not-triepel-triumph-how-to-make-the-best-out-of-sentenza-no-238-of-the-italian-constitutional-court-for-a-global-legal-order-part-i/>; *Messineo F.* Italian Constitutional Court Judgment 238/2014 declares customary international law on state immunity inapplicable in the Italian legal order as far as war crimes and crimes against humanity are concerned // *Questions of International Law*. October, 24, 2014; *Tega D.* Sovereignty of Rights vs. “Global Constitutional” Law: The Italian Constitutional Court Decision № 238/2014 // *U.K. Const. L. Blog* (10th Apr 2015) available at. URL: <http://ukconstitutionallaw.org>) etc.

ствами — сторонами спора как решения, принятые их национальными судами⁴⁷.

Что касается практики международных судебных решений, которые должны имплементироваться в национальных правовых системах, то она основана на закреплении соответствующего

обязательства на конвенционном уровне, которое повторяется при имплементации соответствующего международного договора в национально-правовом имплементационном акте⁴⁸.

⁴⁷ См.: Такой порядок закреплен в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в ст. 39 Приложения VI (Статута МТМП), устанавливающей порядок обеспечения исполнения решений Камеры по спорам, касающимся морского дна.

⁴⁸ В ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод установлено, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

INTERNATIONAL COURTS: TRENDS AND IMPACT ON NATIONAL LEGAL SYSTEMS

© 2018 A. Ya. Kapustin

*Institute of legislation and comparative law
under the Government of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: Kapustin@izak.ru

Received 14.09.2017

The article discusses the features of the activities of international judicial institutions and identifies the development trends and their influence on national legal systems. It is noted that various positions on topical issues of international justice are formulated in the works of Russian lawyers. Nevertheless, there are still many debatable issues that need to be addressed. One major topic is the understanding of the concept and significance of international judicial practice.

Key words: International Law, international judicial institutions, national legal systems, development trends.